

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию МУХЕТДИНОВА Дамира Ваисовича « ИСЛАМСКОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА ХХ- НАЧАЛА ХХІ ВЕКА : ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ», представленной на соискание ученой степени доктора теологии по специальности 26.00.01 - теология

Новаторское, эрудированное и увлекательное исследование Д.В. Мухетдинова свидетельствует о том, что он достоин искомой степени доктора теологии. Актуальность темы не просто очевидна, она исключительно остра. Речь идет о формировании нового мусульманского богословия, являющегося ответом на вызовы современности, реакцией на радикализацию общества, основанном на глубоком освоении достижений современных гуманитарных наук, в том числе - и академического востоковедения. В результате этого возникает набор принципов и методов, создающих основу для диалога культур и становления нового исламского мировоззрения, готового к интеллигентному ответу на вопросы глобализованного мира.

Автор описывает, по существу, важный этап становления того, что называется весьма неточно «европейским исламом», связывая его с традициями отечественного исламского обновленчества- джадидизма. В обращении к этому наследию и в его развитии он видит рецепт дальнейшего цивилизационного будущего для российского ислама. Это сразу делает проблему актуально полемичной и выводит ее практическое значение за пределы просто материала для корректного преподавания исламского богословия. Практически и теоретически российская исламская жизнь становится важной частью мирового мусульманского дискурса.

Российский джадидизм был типологически современен первому этапу становления исламского модернизма великих реформаторов типа Мухаммада Абдо, Джамал ад-дина ал- Афгани. Современный этап, который автор справедливо называет неомодернизмом, делится на две волны, первая из которой и является предметом тщательного исследования в диссертации. Мне представляется, что автор слишком устранился от анализа совсем современной второй волны неомодернизма, представленной такими яркими фигурами как Тарик Рамадан, а также плеядой современных российских богословов и публицистов. Впрочем, сам автор является активным религиозным деятелем и представителем важного направления мусульманского дискурса в России. Вторая часть работы (Гл. 5 « Программа обновления в свете неомодернизма») представляет собой изложение его собственного видения того, как следует понимать и развивать методы и принципы, предложенные яркими личностями, которым посвящена первая часть. По существу - это своеобразный способ анализа и обобщения, который представляется мне вполне приемлемой методической и даже методологической находкой.

Неомодернизм представлен в работе четырьмя занимательными, знаменитыми и типичными фигурами современной мусульманской полемики и дискуссии. Все четыре мыслителя - люди, соединяющие в себе интеллектуальный опыт исламской традиции и современных гуманитарных наук. Все они пытались сделать священные тексты и обычаи созвучными современному миру и потому способными утвердить почетное место исламского мировоззрения в мире диалога религий и философий. Все они эмоционально исходили из стремления превратить традицию из причины отставания и политического поражения мусульманского мира в основу для его интеллектуального торжества и обогащения соседних цивилизаций. В этом смысле характерен знаменитый эпизод, когда маленький Мухаммад Шахрур спрашивает отца о причинах поражения арабов в Шестидневной войне, а тот указывает ему на гробницу великого суфия Ибн Араби. Кстати говоря, на самом деле, именно суфии типа Ибн Араби являются надеждой модернистов, о чем говорят и герои диссертации и ее автор. Хочу также заметить, что Мухаммад Шахрур несколько выбивается из прекрасно подобранного ряда «титанов» неомодернизма. Он менее академичен, более публицистичен, чем солидные ученые, стоящие рядом с ним в работе. Однако, в целом, выбор типических фигур удачен.

Удачна также и схема анализа их мировоззрения и их идейной борьбы. Каждый внес свою лепту в жесткие дискуссии о Коране и откровении, о боговдохновенности хадисов, о

глубинном смысле исламских текстов и их отношениях к реальной жизни. Каждый был глубоким знатоком исламской традиции, широко эрудированным в гуманитарных науках и критически освоившим наследие западного востоковедения. Этот синтез позволил им смотреть на себя как бы в два зеркала. Одно - зеркало западной науки, в котором они увидели преобразенный образ ислама. Второе - зеркало мусульманской традиции, в котором они, люди западного образования, пронизательно увидели множество общих черт с западными культурами. Такой динамический обмен образами, как мне представляется, - есть важнейшая черта межкультурных взаимоотношений, основанных на глубоком интеллигентном знании. Именно это диссертант выявил и описал в трудах своих выдающихся предшественников.

Две вещи, однако раздражают. Одна: формулировки «пакистанский мыслитель» «сирийский мыслитель», египетский мыслитель. Эти люди были уже результатом синтеза, работали в европейских университетах так же как и в восточных и различают их скорее не пакистанские или египетские корни - а причастность к разным интеллектуальным традициям - позитивистской, экзистенциалистской, структуралистской и прочих, восходящих к среде их ученого общения. Второе - краткое упоминание «фамилии» с «инициалами» «Ф. Рахман, М. Аркун. Это уже перебор в европеизации».

Судьбы всех героев драматичны, везде присутствует борьба, трагедия непонимания, скандалы. Такой драматизм является важной частью остроты полемики вокруг обновленческих тенденций в исламе, но автор совершенно справедливо не делает его главным содержанием рассказа. Он тщательно и методично анализирует мнения и методы богословов-неомодернистов, выделяя базовые проблемы дискуссий, общие для всех; одновременно четко характеризует их особенный вклад в ту или иную тематику. Емкие и краткие формулировки хорошо запоминаются и легко складываются в узнаваемые интеллектуальные образы. Главное у всех - исторический подход к текстам религии, применяемый к их пониманию в прошлом и их применению сегодня. Это - тончайшая материя, с которой все они блестяще справляются.

Фазлур Рахман, пакистанский просветитель и основатель школы исламоведения в Университете Чикаго предстаёт как главная фигура в дискуссии о различении Слова Бога и слова Пророка; отрицании «двойственного откровения», то есть - приравнивания хадисов к Корану; анализе «контекстуального «иджтихада»; внимании к этическому, а не юридическому аспекту Корана. Однако, имея в виду методику комментирования, важно вспомнить и мнения мыслителя о контекстах и запретах рибха - ссудного процента, открывавшие дорогу исламскому банковскому делу. (Гл. «Обновленческие идеи Фазлур Рахмана»)

Мухаммад Аркун, профессор Сорбонны, -ярчайший представитель франко-арабской интеллектуальной атмосферы, «собеседник» и Дерриды и Ибн Хальдуна, блестяще сформулировал принцип «догматической ограды» и показал методы ее преодоления, в частности, и через анализ взаимодействия устной и письменной культур. Показательно его увлечение Ибн Мискавейхом и Абу Хаййаном ат Тавхиди как носителями богословских идей. Его анализ творчества этих знаменитых литераторов связан с одним из важных достижений неомодернистов - устранением или попыткой устранения противостояния богословия и философии, якобы присущих исламской культуре. (Гл. 2 «Методический плюрализм в изучении ислама: подход Музааммада Аркуна»)

Мухаммад Шахрух, инженер и богослов, прославился четкой и несколько провокационной постановкой вопросов различия Ислама и Имана (веры и ритуала), «Книги и Корана», а также атаками на священный статус хадисов и термином-образом «личный иджтихад Мухаммада». (Гл. 3 «Теоретическая система Мухаммада Шахрура»)
Наср Абу Зайд, каирский и лейденский профессор, более других углубился в гуманистическую герменевтику и в природу откровения, как средства коммуникации и даже переводил на арабский язык работы Ю. Лотмана. С ним связан и любимый диссертантом термин «шариатско ориентированная парадигма», а также образ Корана как серии многослойных дискурсов. Представляется удачным сравнение его метода с литературным анализом Корана Амина ал Хули. Автор воздерживается от рассказа деталей

сенсационного «отлучения» Абу Зайда от ислама, но, на мой взгляд, именно в контексте его собственных рассуждений следовало бы упомянуть применение против него принципа «хисба» обязанности реагировать на всякое отклонение от «шариатской парадигмы» . (Гл. 4 « Гуманистическая герменевтика Насра Хамида Абу Зайда»)

В целом, мы получаем детальный, личностный и в то же время обобщенный образ интеллектуального течения призывающего к гуманистической исторической интерпретации Корана, выделении его политических принципов, видящий в исламской культуре возможность и наличие постоянного процесса дискуссии и осмысления реальности. Соединение этой традиции с опытом российской школы исламской мысли и опытом отечественного академического исламоведения справедливо представляется автору рецептом для дальнейшего развития.

Свой и чуждой опыт соединён во второй части, которая, как я уже говорил, может пониматься и как собственная программа обновления и как способ еще в одном ракурсе описать суть неомодернизма первой волны. Автор систематизирует опыт четырех «титанов» и сводит его в весьма убедительную схему принципиальных проблем, одновременно и традиционных, и новаторских. Речь идет об историческом и контекстном анализе философии калама, теории откровения, контекстуальности иджитхада, статусе предания- хадисов, деконструкции и критическом отношении к традиции. Все эти вопросы становятся основой для созвучной миру и новейшей науке социально- политической теории ислама, для понимания его плюралистических и полифонических принципов как основы взаимодействия с миром и определения его цивилизационного контекста.

В целом, перед нами хорошо построенное, насыщенное надежным материалом актуальное и убедительное исследование, имеющее серьезное практическое значение как для просвещения, так и для межкультурного дискурса. Особо отмечу важность этой работы для программы исламского образования, которую светские и духовные учреждения России с энтузиазмом и успехом совместно претворяют в жизнь, как практический пример того самого взаимодействия интеллектуальных традиций, анализу которых посвящена диссертация.

Мне представляется теоретически и практически важной фраза, завершающая главуна с 403. « создание современной религиозно-философской школы ислама в российском контексте возможно только на стыке неомодернизма, современного исламоведения и традиций отечественного богословия.» Я бы только заменил «стык» на «соединение» .

Актуальность проведенного исследования объясняется остротой дискуссий о будущем мусульманской идеологии в России и в мире. Теоретическая новизна определяется широким сравнительным анализом избранных образцов, корректируемый с опытом отечественных школ мусульманского богословия и исламоведения. В работе умело анализируется большой объем литературы на многих языках, присутствует умение тонко и убедительно анализировать богословские и философские термины. Выводы автора убедительны.

Замечания содержатся в тексте отзыва и не меняют мою общую положительную оценку диссертации.

Диссертация МУХЕТДИНОВА Дамира Ваисовича на тему «ИСЛАМСКОЕ ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА: ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ» Соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 №6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель МУХЕТДИНОВ Дамир Ваисович заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора теологии по специальности 26.00.01 - теология. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета
Академик РАН, профессор, доктор исторических наук
Декан Восточного факультета Санкт-Петербургского
государственного университета
Генеральный директор Государственного Эрмитажа.
29 сентября 2020 г.

М.Б.Пиотровский

